

ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ И РИСКИ ИНТЕГРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Кумысбеков Айбек Кумысбекович

aibek.kumysbekov@gmail.com

Докторант кафедры «Политология» ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель – Н.Калашникова

Аяганова Асель Агыбаевна

ayaganova_assel@bk.ru

Докторант кафедры «Политология» ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель – И. Рыстина

Данилов Александр Сергеевич

alserdanilov@gmail.com

Докторант кафедры «Политология» ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель – И. Рыстина

Центральная Азия на текущий момент является важным геополитическим игроком, исходя из своего крайне выгодного географического положения, являясь своеобразным экономическим и культурным мостом между Азией и Европой. Вместе с тем, несмотря на то, что народы Центральной Азии имеют под собой общую культурную и политическую историю развития, разумеется, они разные.

30 лет независимости стран Центральной Азии не только не смогли способствовать укреплению интеграции внутри региона, но наоборот – привели к обнажению острых противоречий, которые вспыхнули вместе с распадом СССР.

Однако для центральноазиатской (туркестанской) интеллигенции начала 20-го века историческое и культурное единство региона было очевидно. Но именно в период размежевания и после него, большая часть усилий интеллигенции была канализирована на нациестроительство в рамках советского государства, которое проходило посредством разделения в принципе неделимого исторического и культурного наследия. Для коммунистического режима было принципиально важно поддержать национализм в противовес «имперскости» царизма, поэтому для каждой советской республики был создан конструкт в виде собственных «обособленных» научных, творческих и политических элит, что привело также к разрыву единения интеллигенции на базе Ислама.

Это выражалось в том, что акцентировалось внимание населения на различиях между народами Центральной Азии [1].

По мнению Марлен Ларуэль, независимость стран Центральной Азии только усилила советскую концепцию этногенеза [2]. Это выражалось в том, что политическая элита молодых государств стала рассматривать историческое прошлое через призму современных национальных идентичностей как сугубо казахской, кыргызской, узбекской, таджикской,

туркменской и так далее.

То есть историческое прошлое каждого государства изучается отдельно, не учитывая тот факт, что в определённые исторические моменты Центральная Азия и народы, которые ее населяли, представляли собой единую политическую и культурную общность, сформированную в результате общей истории и сравнительно поздней интеграции в мировую колониальную систему.

Более того существует ряд различий в подходах в интерпретации истории государственности края. Например, таджикские историки считают, что «после распада государства Саманидов в судьбе таджиков наступили тяжелые времена», так как она была ликвидирована караханидами (т.е. тюркской конфедерацией), т.е. Караханидское государство является в понимании таджикских историков «завоевателем» Мавераннахра, которое положило начало концу «таджикской» государственности. В то же время для исторической науки Узбекистана отношение к Саманидам позитивное – оно воспринимается как очередной этап в развитии узбекской государственности. Таким образом, таджикскими историками разрабатывается и воспроизводится лакримогенная теория идентичности, а узбекскими – симбиоз племен, народов, проживавших на территории Центральной Азии, которые объединились в единое государство – Республика Узбекистан [3].

Именно разность в подходах в изучении истории, а также попытка научных и политических кругов удревнить собственную историю, изучение ее в отрыве от общей истории региона является одним из крупных факторов, который может стать риском для интеграции стран Центральной Азии. Примером попытки показать собственную историю более древней является, например, негласное соревнование за звание старейших городов в регионе [4].

Еще одним риском на пути более углубленной интеграции является экономическая и политическая диспропорция в развитии стран. Политические системы несмотря на внешнюю схожесть все же имеют ряд существенных отличий. Так, например, Туркменистан отличается автократичная политическая система, в то время как Кыргызстан является более демократичным по внешним признакам государством, в котором присутствуют более 200 политических партий. Имеются также личные противоречия между политическими элитами стран Центральной Азии, чьи главы государств претендуют на роль лидера региона. Ярким примером такого противоречия стала реакция президента Узбекистана И. Каримова на инициативу главы Казахстана Н. Назарбаева о создании Союза Центральноазиатских Государств (СЦАГ), выдвинутой им в 2005 году. Примечательно что идея нашла поддержку у бедных государств региона — Кыргызстана и Таджикистана [5].

При этом имеются ряд противоречий, связанных с определением границ между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Так, во время гражданской войны в Афганистане президент Каримов активно вооружал лидера узбекских военизированных формирований генерала Рашида Дустума и даже организовывал с ним личные встречи. «Заигрывания» Ташкента с узбекскими движениями Таджикистана и Киргизии вызывают опасения у соседей, порождая их недоверие, что является одной из причин напряженности в регионе. Помимо этого, Узбекистан предпринимает попытки силовым способом навязать свою волю сопредельным государствам. По мнению исследователя политических процессов в Центральной Азии А. Казанцева, Ташкент стоял за попыткой военного переворота в Таджикистане, предпринятой под руководством полковника Махмуда Худойбердыева в ноябре 1998 г. Это произошло после того, как проузбекские силы были оттеснены от властных рычагов в Таджикистане президентом Э. Рахмоном [6].

После смерти И. Каримова, новый президент И. Мирзиев, взял курс на перезагрузку отношений с соседями, активизировав региональное сотрудничество в сфере экономики, продвигая миролюбивую политику и делая упор на восстановление добрососедских отношений с Кыргызстаном и Таджикистаном.

Непростые отношения складываются между Казахстаном и Кыргызстаном, так как во время свержения К. Бакиева именно казахский спецназ организовал его эвакуацию с Кыргызстана. После чего последовал ряд кризисов, вызванный односторонним закрытием границ Казахстаном. Также «засветилась» роль Казахстана при президентских выборах в Кыргызстане 2017 года: после встречи президента Назарбаева с одним из кандидатов – Омурбеком Бабановым, были выдвинуты обвинения в сторону казахстанского руководства о вмешательстве в избирательный процесс со стороны тогдашнего президента КР А. Атамбаева. Итогом стали ужесточение контроля на границе между двумя странами [7] и максимальное за время независимого существования стран охлаждение отношений.

Внутриполитическая стабильность стран также является сильным риском для интеграции стран региона. В этом плане наиболее стабильной с экономической и политической точки зрения страной выступает Казахстан, в котором, несмотря на активизацию протестного движения, в целом в спокойной обстановке прошли как президентские, так и парламентские выборы. При этом впервые в президентских выборах не участвовал первый президент Н. Назарбаев. В Кыргызстане же, выборы в местный однопалатный Парламент, Жогорку Кенеш, вызвали митинги и привели к силовой смене политического руководства страны. Революция 2020 года в Кыргызстане, окончательно продемонстрировало дискредитацию силовых органов власти, которые не могут удержать и навести порядок внутри городов [8].

На этом фоне действия казахстанских органов правопорядка, которые сумели купировать митинги, к тому же проведя профилактическую работу, показало их сильную внутреннюю организацию.

Все вышеперечисленное становится серьезным препятствием для дальнейшей региональной интеграции, так как при более тесной интеграции события в Кыргызстане становятся уже не просто протестами в соседней стране, а кризисом, который должен решаться всеми политическими элитами стран региона. Разумеется, любой политический кризис, который возникает в соседней стране может также зеркально возникнуть и в других.

Важную роль играют также крупные внешнеполитические факторы, а именно отношения между странами Центральной Азии и внешнеполитическим игрокам таким как Россия, Китай, США и Турция.

Каждая из стран стремится активно расширить собственное присутствие в регионе, используя различные методы и инструменты. Например, Китай, помимо экономического присутствия активно продвигает собственную культуру, формируя тем самым более положительный образ страны в Центральной Азии. Так в Кыргызстане за 2015 год мы наблюдаем рост числа школ, в которых были открыты классы Конфуция. Например, в мае того же года в Бишкеке был торжественно открыт класс Конфуция [9]. В Казахстане в феврале 2009 г. открыли Институт Конфуция при Казахском национальном университете им. аль-Фараби при посредничестве

Ланьчжоуского университета (КНР). Подобные институты были созданы и в других высших учебных заведениях страны.

Турция в рамках собственной пантюркистской идеологии обеспечивает патронат над странами Центральной Азии. В 1990–е г. Анкара оказывала содействие не только культурно-

просветительским тюркским организациям в России, но и сепаратистским группам Северного Кавказа. Одной из причин атаки российского военного самолета со стороны ВВС Турции осенью 2015 г. явилась бомбардировка ВКС России позиций туркоманов на территории Сирии (тюркского населения, культурно и исторически имеющего много общего с турками). Турция одной из первых признала независимость новых государств Центральной Азии и Закавказья, с которыми начала устанавливать двусторонние отношения еще до распада СССР. Распад СССР и образование независимых государств с преимущественно тюркским населением, с позиции турецкого руководства, предоставляли уникальный шанс для Анкары на расширение зоны своего влияния. Этнокультурная близость служит основанием для выстраивания особых отношений Турции с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Туркменистаном и Кыргызстаном. В свою очередь, поиск новых идеологических основ политическими элитами новых тюркских государств Центральной Азии и Закавказья закономерно привлекал к «турецкой модели развития», заключающейся в формировании светских основ государственности в мусульманской стране. По мнению исследователей, «практически все центральноазиатские республики, а также Азербайджан, в конечном итоге, выбрали турецкую модель развития», что облегчило экспансию Турции в регион Центральной Азии. С позиции исследователей, «свое проникновение в Центральную Азию и Закавказье Турция начала сразу на нескольких направлениях, на политическом, идеологическом и экономическом»¹⁶⁸. Тургут Озал (в 1983–1989 гг. премьер-министр, в 1989–1993 гг. президент Турции) «способствовал рождению идеи «неоосманизма» и призвал к экономическому и культурно-просветительскому вторжению в постсоветское пространство преимущественно с тюрко-язычным населением».

В регионе активно открывались турецкие лицеи, университеты. В страны потоком хлынули турецкие инвестиции в области строительства, торговли и т.п. При этом основным локомотивом развития отношения в Турцией выступает Казахстан. Казахстанские элиты так же, как и турецкие власти, демонстрируют общность исторического прошлого, на основании которого стремятся выстроить особые отношения в рамках тюркского мира. Во время визита в Турцию в 2012 г. Н.Назарбаев произнес следующую речь: ««Как сказал Ататюрк: «Придет время, когда все тюрки объединятся». Поэтому я хочу поприветствовать всех тюркоязычных братьев. Между Алтаем и Средиземным морем свыше 200 млн. братьев живет. Если мы все объединимся, то мы будем очень эффективной силой в мире» [10].

Россия исторически присутствует в регионе, однако для российской экономики Центральная Азия — это рынок дешевой рабочей силы и сбыта собственной продукции. Россия широко и глубоко закрепила на медийном и культурном поле регионе, трудовая миграция в Россию также стимулирует интерес населения к русскому языку, что обуславливает запрос на сохранение и формирование русского образовательного сегмента в некоторых странах Центральной Азии. Помимо этого, Россия активно продвигает в регионе собственный наднациональный экономический блок – ЕАЭС, основные органы управления которым находятся по-прежнему в Москве. Стоит отметить, что идеологически российской государственной пропагандой подчеркивается первенство Н. Назарбаева в инициативе создания такого союза, но при этом подспудно продвигаются другие наднациональные инициативы, которые в ближайшей перспективе могут перейти от формата только экономического к политическому.

Пример присутствия США, помимо экономической сферы, можно продемонстрировать активной работой в регионе ряда крупных НПО, финансируемых Государственным департаментом США, а также множеством образовательных программ, наличием программ обмена студентами и т.п. США, располагая необходимыми материальными ресурсами, уделяют пристальное внимание Центральной Азии. Специфика американской внешней политики проявляется в использовании как государственных, так и негосударственных инструментов в реализации «культурного влияния», целью которого является, во-первых,

продвижение американских ценностей (воспринимаемых в Вашингтоне в качестве общечеловеческих), во-вторых, активное взаимодействие с оппозиционными силами в регионе, что неоднократно вызывало осложнения в двусторонних отношениях. Идеологизация грантовой политики США в Центральной Азии и географическая удаленность Вашингтона закономерным образом ограничивают влияние США в регионе [11].

При этом у стран Центральной Азии нет единой позиции по разным вопросам, которые касаются международных отношений, также нет единства и по вопросам распределения водных ресурсов внутри региона, открытия границ для движения капитала и рабочей силы. Например, Туркменистан, ведет политику изоляции даже от стран-соседей. Узбекистан, с осторожностью воспринимая любые интеграционные процессы, предпочитая развивать двусторонние отношения, Казахстан же наоборот активно участвует в интеграционных процессах, углубляя экономические связи и отношения не только через двусторонние отношения но и используя разные международные проекты, Кыргызстан находится в сфере влияния сразу нескольких государств: России, как страны, предоставляющей для кыргызских трудовых мигрантов рабочий рынок, а для экономики страны – гранты и кредиты, Китай, который имеет сильное влияние в экономической сфере, и США, финансирующее НПО страны и ряд проектов государственного уровня.

Выводы. Как мы видим, в регионе имеются глубокие противоречия, которые в советский период не так сильно выделялись и носили скрытый характер, с другой стороны – подогревались и служили основой для создания негативных стереотипов населения стран друг о друге. Описанные нами угрозы и риски, разумеется, включают в себя не весь перечень тех противоречивых вопросов, которые стоят в регионе. Однако даже данные риски наглядно показывают, что политическим элитам региона необходимо совместными усилиями путем переговоров разрешать возникающие риски, и усиливать экономическую, политическую, культурную и социальную интеграцию стран. Именно это может помочь региону занять важное геополитическое место на карте, а также позволит странам самостоятельно выстраивать собственную внешнюю политику, опираясь исключительно на интересы региона.

Список использованных источников

1. А. Сомунджуоглу. Идентичность и написание истории в интеграции Центральной Азии – [Электронный ресурс] <https://caa-network.org/archives/8965> (Дата обращения 21.03.2021 г.)
2. Marlène Laruelle, “The Concept of Ethnogenesis in Central Asia: Political Context and Institutional Mediators (1940-50)”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian Histories*, 9:1, 2008, pp. 185-187
3. Б. Алимджанов. Великое “историческое” прошлое: как создавалась новая национальная идентичность в Узбекистане и Таджикистане. [Электронный ресурс] <https://cabar.asia/ru/velikoe-istoricheskoe-proshloe-kak-sozdavalas-novaya-natsionalnaya-identichnost-v-uzbekistane-i-tadzhikistane> (Дата обращения 21.03.2021)
4. Самые древние города Центральной Азии. [Электронный ресурс] <https://theopenasia.net/ru/post/samye-drevnie-goroda-tsentralnoy-azii> (Дата обращения 21.03.2021)
5. Е. У. Байдаров. Центральная Азия: проблемы и противоречия интеграции // Регионоведение, №2, 2011 ISSN 2587-8549
6. Д. С. Плотников. Центральная Азия в контексте мировой политики [Электронный ресурс]: учебное пособие / Д. С. Плотников ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2020. – 1,95 Мб ; 94 с. – ISBN 978-5-7944-3499-6

7. Бабанов заявил, что не жалеет о встрече с Назарбаевым. 16.10.2017 г. [Электронный ресурс] <https://rus.azattyq.org/a/babanov-posle-vyborov-vstrecha-s-nazarbaevym/28797355.html> (Дата обращения 21.03.2021)

8. Неожиданная революция в Бишкеке. Что происходит в Кыргызстане и почему там снова меняется власть [Электронный ресурс] <https://www.bbc.com/russian/news-54440933> (Дата обращения 25.03.2021)

9. В бишкекской школе-гимназии открыли класс Конфуция. [Электронный ресурс] http://www.vb.kg/doc/313113_v_bishkekskoy_shkole_gimnazii_otkryli_klass_konfyciia.html (Дата обращения: 25.03.2021)

10. В Турции Назарбаев предложил объединить 200 млн. тюрков. [Электронный ресурс] <http://www.amic.ru/news/195907/> (Дата обращения: 26.03.2021).

11. Д. С. Плотников. Центральная Азия в контексте мировой политики [Электронный ресурс]: учебное пособие / Д. С. Плотников; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2020. – 1,95 Мб; 94 с. – С. 79-81, ISBN 978-5-7944-3499-6